

ШВАЛЕВ Константин Дмитриевич,
аспирант, Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: k.shvalev@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Уральского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент, Почетный работник высшего профессионального
образования России, г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: echornovol@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Аннотация. В статье представлена эволюция формирования банкротной (конкурсной) модели исполнения обязательств наследодателя, определена ее сущность и охарактеризованы правовые принципы ее функционирования. Актуальность исследования определена сложностью его предмета – исполнение обязательств наследодателя в ракурсе конкурсного (банкротного) права. Обосновывается, что указанная конструкция не может быть сведена ни к обычному банкротству гражданина, ни к классическому наследственному правопреемству. На основе историко-правового, сравнительно-правового и догматического анализа раскрывается соотношение банкротства наследодателя с принципом сепарации имущества наследодателя и ликвидационной моделью наследства. Научная новизна исследования состоит в обосновании положений о том, что банкротство наследодателя представляет собой особый конкурсно-правовой режим посмертного исполнения обязательств наследодателя, основанный на обособлении наследственного имущества, его функциональной персонификации, конкурсном удовлетворении требований кредиторов и окончательном прекращении долговой неопределенности. Положения и выводы анализа данной проблемы могут использоваться в правотворческой и правоприменительной практике соответствующих правовоположений, научной деятельности, а также учебном процессе подготовки юристов.

Ключевые слова: модели исполнения обязательств наследодателя; универсальное наследственное правопреемство; конкурсно-правовой режим исполнения обязательств наследодателя, наследственная масса; сепарация имущества; ликвидация наследства; банкротство наследодателя; банкротство умершего гражданина; обязательства наследодателя; конкурсное (банкротное) право; конкурсная масса, абсолютное прекращение долгов наследодателя.

SHVALEV Konstantin Dmitrievich,
graduate student of Ural Institute of Management -
branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russian Federation, Ekaterinburg, Russia

Scientific supervisor: **CHORNOVOL Evgeniy Petrovich,**
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
of the Ural Institute of Management - a branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional
Education of Russia Ekaterinburg, Russia

THE ESSENCE AND PRINCIPLES OF THE LEGAL REGULATION OF BANKRUPTCY OF THE TESTATOR

Annotation. *The article presents the evolution of the bankruptcy (competition) model for fulfilling the testator's obligations, defines its essence, and characterizes the legal principles of its functioning. The relevance of the study is determined by the complexity of its subject - the fulfillment of the testator's obligations from the perspective of bankruptcy (competition) law. It is substantiated that this structure cannot be reduced to either the ordinary bankruptcy of an individual or to classical hereditary succession. Based on historical, legal, comparative legal, and dogmatic analysis, the relationship between the bankruptcy of the testator, the principle of separation of the testator's property, and the liquidation model of inheritance is revealed. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the provisions that the bankruptcy of the testator represents a special competitive and legal regime for the posthumous fulfillment of the testator's obligations, based on the isolation of the inherited property, its functional personification, competitive satisfaction of creditors' claims, and the final termination of debt uncertainty. The provisions and conclusions of the analysis of this problem can be used in law-making and law enforcement practice of relevant legal provisions, scientific activities, as well as in the educational process of training lawyers.*

Key words: *models of fulfillment of obligations of the testator; universal hereditary succession; competitive legal regime for the fulfillment of the testator's obligations, inheritance; separation of property; liquidation of inheritance; bankruptcy of the testator; bankruptcy of the deceased citizen; obligations of the testator; bankruptcy law; bankruptcy estate, absolute termination of the testator's debts.*

Введение

Современное российское право исходит из того, что сама по себе смерть гражданина не устраняет необходимость урегулирования его имущественных обязательств. Напротив, именно в момент смерти особенно остро проявляется проблема соотношения актива и пассива, принадлежавшего гражданину наследства. Если актив наследства достаточен, исполнение обязательств наследодателя, как правило, может быть осуществлено в порядке универсального наследственного правопреемства. Однако при недостаточности наследственного имущества предъявление кредиторами требований к наследникам не обеспечивает удовлетворения их требований, создается риск произвольного предпочтения отдельных взыскателей и порождает неопределенность в отношении пределов ответственности наследников.

Упорядочивание такой ситуации предусмотрено предписаниями § 4 Главы X «Банкротство гражданина» Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве). Нельзя, однако не обратить внимания на то, что статья 223.1 данного закона не раскрывает особенностей данной процедуры, а говорит лишь об условиях и порядке банкротства гражданина в случае его смерти. Между тем смерть прекращает правоспособность гражданина, а потому умерший не может признаваться несостоятельным в том же смысле, в каком банкротом признается живой субъект гражданского оборота. Следовательно, предмет настоящего исследования выступает не столько «несостоятельность умершего лица»,

сколько особая модель удовлетворения требований кредиторов за счет наследственной массы в ракурсе банкротного (конкурсного) права. В свою очередь, определение ее сущности возможно на синтезе историко-правового анализа, позволяющего проследить эволюцию концепции преобразования наследства в конкурсную массу, обладающую особым правовым режимом, обеспечивающим исполнение обязательств наследодателя.

1. Историко-теоретические предпосылки обособления наследственной массы

Теоретическое осмысление банкротства умершего должника невозможно без обращения к вопросу о правовой судьбе имущества в период между смертью наследодателя и окончательным распределением наследства. В римском праве эта проблема получила выражение в категории *hereditas jacens* — «лежачего наследства». В литературе отмечается, что данная категория допускала различные трактовки: наследство могло мыслиться как фикция личности будущего наследника, как продолжение личности умершего либо как автономное имущественное образование, близкое по функции к юридическому лицу [5, с. 313–314]. Последний подход имел особое значение для кредиторов, поскольку позволял рассматривать наследственное имущество как обособленный объект обращения взыскания до окончательного определения наследника.

Наряду с категорией лежачего наследства важное значение имел принцип *beneficium separationis*. Его сущность состояла в предоставлении кредиторам наследодателя возможности требовать отделения наследственного имуще-

ства от личного имущества наследника для преимущественного удовлетворения своих требований за счет наследственной массы, но не долгов наследника [5, с. 316]. При этом римская сепарация не означала абсолютного разрыва имущественных сфер наследодателя и наследника. Как справедливо подчеркивается в современной литературе, она устанавливала прежде всего приоритеты удовлетворения разных групп кредиторов, а не полную изоляцию соответствующих имущественных масс [1, с. 89].

Именно это обстоятельство позволяет отличить принцип сепарации от последующих более жестких моделей ликвидации наследства. Сепарация предполагает разграничение имущественных масс, но не обязательно создает полноценную конкурсную процедуру. Она отвечает на вопрос о приоритете кредиторов наследодателя перед личными кредиторами наследника в отношении наследственного актива, но сама по себе не решает вопрос о порядке пропорционального удовлетворения требований при недостаточности наследственного имущества. Поэтому сепарация является важной предпосылкой банкротства наследственной массы, но не исчерпывает его содержания.

Показательно, что близкий подход к решению данного вопроса сохранился во французском праве. Статья 878 Французского гражданского кодекса (далее - ФГК) предоставляет кредиторам наследодателя и легатариям денежных сумм преимущество в отношении актива наследства перед личными кредиторами наследника. Соответственно личные кредиторы наследника имеют преимущество в отношении имущества наследника, не полученного по наследству. Однако французская доктрина подчеркивает, что «несмотря на свое название, сепарация не препятствует смешению имущества наследодателя и наследника. Она лишь дает кредиторам наследодателя преимущество» [2; 10, р. 633–634]. Кроме того, в литературе отмечается, что несмотря на наличие принципа сепарации, во французском законодательстве «конкуренция наследственных кредиторов осталась урегулирована слабо - их очереди сформированы почти без учета социального и экономического значения требований, внутри очередей требования упорядочены минимально» [2].

Следовательно, историко-правовые материалы показывают, что обособление наследственной массы может иметь разную степень значимости для исполнения обязательств наследодателя. В мягкой форме оно выражается в приоритете наследственных кредиторов. В более сильной форме оно превращает наследство в самостоятельный имущественный комплекс, предназначенный для расчетов с кредиторами.

Современное банкротство наследодателя тяготеет именно ко второй модели, поскольку предполагает полное обособление имущества наследодателя от имущества наследника.

2. Ликвидационная модель наследства и ее отличие от универсального наследственного правопреемства

Наряду с принципом сепарации в зарубежных правовых порядках известна иная модель посмертного урегулирования имущественных отношений — ликвидационная модель наследства. В ее основе лежит идея, что к наследникам должно переходить не все имущество умершего вместе с долговым бременем, а лишь остаток после предварительного расчета с кредиторами. В такой конструкции наследство первоначально рассматривается как фонд, подлежащий администрированию, выявлению актива и пассива, удовлетворению требований кредиторов и только затем распределению между наследниками или иными выгодоприобретателями.

Данная модель традиционно связывается со странами общего права, где центральное значение имеет фигура администратора наследства, а также с рядом иных правовых порядков, в которых наследственное имущество не сливается автоматически с имуществом наследников [3, с. 18; 11, р. 178; 12, р. 169]. В литературе среди признаков ликвидационной модели обычно выделяются: обособление наследственного имущества, ограничение прав наследников на распоряжение им до завершения расчетов, специальная процедура уведомления кредиторов, возможность соразмерного распределения актива при его недостаточности и установление ответственности за нарушение режима администрирования наследства [2].

В отличие от универсального правопреемства ликвидационная модель меняет саму последовательность удовлетворения требований кредиторов наследодателя. При универсальном правопреемстве наследник заступает на место наследодателя в комплексе переходящих прав и обязанностей, а вопрос об исполнении обязательств последнего решается через предел стоимости принятого наследства. При ликвидационной модели наследство сначала выполняет функцию расчетного фонда, и только после завершения расчетов свободный остаток становится объектом наследственного присвоения.

Именно поэтому ликвидационная модель обнаруживает значительное сходство с банкротством наследственной массы. Обе конструкции исходят из того, что интерес кредиторов наследодателя не должен полностью зависеть от поведения наследников, их добросовестности, платежеспособности, готовности раскрывать состав

наследственного имущества и корректно определять предел исполнения обязательств наследодателя. Однако между ними сохраняется принципиальное различие. Ликвидационная модель может применяться и к состоятельному наследству, тогда как банкротство наследодателя в российском праве имеет смысл прежде всего при наличии признаков недостаточности имущества либо неплатежеспособности.

Таким образом, российская модель банкротства наследодателя не тождественна общей ликвидации наследства, поскольку применима только к несостоятельным наследствам и связана с банкротными основаниями, процедурами и последствиями.

3. Эволюция регулирования банкротства умершего должника в российском праве

Российское дореволюционное право также знало конструкции, направленные на урегулирование имущественной недостаточности умершего должника. В Уставе о банкротах, утвержденном 19 декабря 1800 г. (далее – Устав о банкротах 1800 г.), были закреплены правила, позволявшие при определенных условиях приступить к рассмотрению требований кредиторов и реализации имущества умершего до его окончательного перехода к наследникам. Устав исходил из состояния неоплатности, то есть недостаточности имущества должника для удовлетворения всех требований кредиторов, и предусматривал формирование конкурсной массы, предъявление требований и их соразмерное удовлетворение.

Особенность дореволюционного регулирования заключалась в том, что оно развивалось в условиях сословной дифференциации конкурсного права. Наиболее последовательно была урегулирована торговая несостоятельность, тогда как несостоятельность иных категорий физических лиц не образовывала столь же стройной системы. Поэтому при характеристике дореволюционного регулирования банкротства умершего должника мы будем рассматривать прежде всего нормы, применимые к лицам торгового сословия как пример наиболее проработанного правового регулирования.

Отделение XXVII Устава о банкротах 1800 г. связывало инициирование конкурсного порядка с отказом наследников от платежа, недоверием кредиторов к наследникам либо неявкой наследников в установленный срок. Ст. 498 Устава судопроизводства торгового 1893 г. также предусматривала возможность конкурсного производства в связи с непринятием наследства или заявлением кредиторов о недоверии к состоятельности наследников. Тем самым дореволюционное право допускало конкурсное урегулирование наслед-

ственного пассива, но преимущественно как механизм, применяемый до окончательного вступления наследников в наследство.

Особенно показательно соотношение конкурсного производства с наследственным правопреемством. Свод законов Российской империи содержал положение, согласно которому при открытии признаков несостоятельности и объявлении ее судом наследование не имеет места (Свод законов Российской Империи Т. X, ч. I, ст. 1238, прим. 1, прил., ст. 12). Г. Ф. Шершеневич, анализируя это правило, указывал, что до окончания конкурсного производства, открытого над имуществом умершего, осуществление наследственных прав невозможно [8, с. 149]. Если же наследники уже вступили в наследство, конкурс должен был открываться не над имуществом умершего, а над имуществом самих наследников как субъектов принятого имущества [8, с. 149].

Вместе с тем дореволюционное право предоставляло наследникам возможность предварительно осмотреть и оценить имущество и долги наследодателя, чтобы решить вопрос о принятии или отказе от наследства (Свод законов Российской Империи Т. X, ч. I, Зак. Гражд., ст. 1238, прим. 1, прил., ст. 3). К. П. Победоносцев отмечал, что после такого рассмотрения наследники могли либо принять наследство с ответственностью, либо отказаться от него, в результате чего открывалась несостоятельность наследственной массы [6, с. 365]. Это показывает, что дореволюционная модель исходила из причинно-следственной связи конкурсного производства с отсутствием либо неопределенностью наследственного правопреемства.

После революции 1917 г. институт банкротства граждан утратил практическое значение. Советская цивилистика исходила из того, что в социалистическом обществе, как отмечал В.И. Серебровский, отсутствуют социально-экономические предпосылки для широкого развития долговых отношений между гражданами [7, с. 220]. Исполнение обязательств умершего лица было фактически возвращено в рамки наследственного правопреемства, а специальная процедура несостоятельности наследственной массы не развивалась.

В постсоветский период до реформы банкротства граждан 2015 г. ситуация также оставалась неопределенной. Законодательство о несостоятельности распространялось на ограниченный круг физических лиц, прежде всего индивидуальных предпринимателей и глав крестьянских (фермерских) хозяйств, и было ориентировано исключительно на живого должника. В практике встречался подход, согласно которому смерть гражданина-должника влекла прекращение про-

изводства по делу о банкротстве, поскольку правопреемство должника в такой процедуре прямо не предусматривалось. Так, например, в Определении Арбитражного суда Хабаровского края от 3 июня 2013 г. по делу № А73-13835/2011 Источник??? смерть должника была оценена как обстоятельство, исключающее продолжение процедуры банкротства в отношении данного субъекта.

Реформа 2015 г., дополнившая Закон о банкротстве статьей 223.1, изменила эту логику. Законодатель признал, что смерть должника не должна а priori исключать конкурсный механизм, если на дату открытия наследства имеются неудовлетворенные требования кредиторов. При этом современная модель не воспроизводит дореволюционное регулирование буквально. В отличие от дореволюционного подхода, она допускает применение банкротства наследственной массы даже тогда, когда наследники уже приняли наследство.

4. Правовые принципы правового регулирования банкротства наследодателя

Современная российская модель банкротства умершего должника не является ни буквальной рецепцией принципа сепарации, ни полной реализацией ликвидационной модели наследства. Она представляет собой самостоятельную конкурсно-правовую (банкротную) конструкцию, правовые принципы функционирования которой получили закрепление в Законе о банкротстве.

Первый принцип: обособление наследственной массы как объекта конкурсного воздействия. Абзац 1 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве устанавливает, что в конкурсную массу включается имущество, составляющее наследство (наследственную массу). Тем самым наследственное имущество отделяется от имущества наследников и переводится в режим конкурсного управления. В отличие от классической сепарации, современное банкротство наследственной массы предполагает не просто приоритет наследственных кредиторов, а фактическое исключение притязаний кредиторов наследодателя на личное имущество наследников. В терминах современной теории имущественного обособления К. Ю. Ибрагимов характеризует этот принцип как «сильное защитное обособление» [1, с. 93]. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Определении от 29.03.2021 № 305-ЭС18-3299(8) по делу № А40-25142/2017 данное обособление обусловлено задачами конкурсного производства, в соответствии с которыми должна быть обеспечена возможность реализации наследственного имущества так, как если бы наследодатель был жив. Эта позиция имеет принципиальное значение: она подтверждает, что наследственная масса в деле о

банкротстве выводится из сферы универсального правопреемства для целей удовлетворения требований кредиторов наследодателя.

Второй принцип: применение к банкротству умершего должника всего комплекса норм о банкротстве физических лиц (п. 2 ст. 223.1 Закона о банкротстве). В отличие от принципа сепарации имущества, современная конструкция банкротства наследственной массы предполагает применение фундаментальных принципов конкурсного права. Речь идет прежде всего о принципе пропорционального удовлетворения требований кредиторов, о формировании конкурсной массы, о наличии установленной законом очередности требований и о централизованном характере реализации имущества должника, а также об оспаривании сделок должника и т.д. Иными словами, наследственная масса в рамках процедуры банкротства функционирует как конкурсная масса, подчиненная общим правилам конкурсного производства.

Ликвидационная модель выступает более широкой по отношению к модели банкротства умершего гражданина, т.к. в рамках нее выделяется «состоятельное наследство» и «несостоятельное наследство» [4, 33-34]. Для состоятельного наследства применение банкротных процедур не характерно.

Третий принцип: ориентация процедуры на реализацию имущества, а не на реабилитацию должника. Если на момент смерти гражданина применялась реструктуризация долгов, то ст. 223.1 Закона о банкротстве предписывает заявить ходатайство о переходе к реализации имущества, а для крестьянского (фермерского) хозяйства — к конкурсному производству (п. 5 ст. 223.1 Закона о банкротстве). Этот признак имеет не только процессуальное, но и материально-правовое значение. Он означает, что смерть должника исключает саму возможность сохранения реабилитационной парадигмы банкротства. После смерти нецелесообразно ни восстановление платежеспособности, ни согласование индивидуального плана погашения долгов, ни иное продолжение личной финансовой реабилитации. Единственно возможной становится ликвидационная модель. В сопоставлении с принципом сепарации это закономерно: если имущество наследодателя отделяется от имущества наследников, то целью процедуры становится не восстановление экономической свободы наследодателя, а преимущественное удовлетворение требований его кредиторов. В сопоставлении с моделью ликвидации наследства данный признак является, по существу, ее прямым нормативным выражением.

Четвертый принцип: наличие признаков несостоятельности наследственной массы как

обязательное основание для применения данной модели. Банкротство умершего должника применяется к несостоятельному наследству. При отсутствии имущественной недостаточности обязательства наследодателя могут быть исполнены в рамках обычного наследственного правопреемства. Данный принцип отличает российскую модель как от сепарации, который исторически мог применяться и при состоятельном наследстве в целях защиты кредиторов наследодателя от личных кредиторов наследника, так и от общей ликвидационной модели, которая в некоторых правопорядках используется независимо от факта несостоятельности.

Пятый принцип: установление специального режима для социально значимого имущества наследодателя. Пункт 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве предусматривает возможность исключения из конкурсной массы жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания лица, имеющего право на обязательную долю, либо наследника. Следовательно, российская модель направлена не на механическую ликвидацию всего наследственного актива, а сочетает конкурсную цель с социальными ограничениями.

Шестой принцип: завершение процедуры банкротства как способ прекращения всех обязательств наследодателя. Пункт 10 ст. 223.1 Закона о банкротстве устанавливает, что после завершения расчетов граждан, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, включая требования, не заявленные в ходе процедуры, а определение о завершении реализации имущества не может быть пересмотрено. С учетом смерти гражданина данное освобождение следует понимать не как личную реабилитацию должника, а как прекращение долговой неопределенности в отношении наследственной массы и наследников.

Резюмируя изложенное банкротство наследодателя, можно определить как особую модель исполнения обязательств наследодателя. Ее отличие от обычной модели универсального наследственного правопреемства состоит в том, что исполнение обязательств наследодателя осуществляется не наследниками, а через публично организованный конкурс кредиторов, обращенный к наследственной массе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная модель банкротства умершего гражданина представляет собой результат сложной исторической эволюции, сочетающий в себе элементы различных правовых конструкций, адаптирующийся под актуаль-

ные социальные запросы современности. Его нельзя свести как к обычному банкротству гражданина, поскольку смерть должника исключает реабилитационную цель процедуры, так и к универсальному наследственному правопреемству, поскольку при недостаточности наследственного имущества обязательства наследодателя подлежат исполнению не через предъявление кредиторами отдельных требований к наследникам, а через специальный конкурсный механизм.

Сравнение с принципом сепарации показывает, что банкротство наследственной массы использует идею обособления имущества наследодателя, но развивает ее значительно дальше. Сепарация в классическом виде предполагает, что имущество наследодателя не смешивается автоматически с имуществом наследников, а сохраняет функциональную автономию до тех пор, пока не будет решен вопрос о погашении долгов наследодателя. Банкротство же наследственной массы предполагает такое обособление, которое полностью исключало бы притязания кредиторов наследодателя на имущество наследников.

Сопоставление с ликвидационной моделью наследства также показывает как сходство, так и различие. Сходство выражается в том, что наследство рассматривается прежде всего как обособленный имущественный комплекс, из которого должны быть удовлетворены требования кредиторов до окончательного распределения остатка между наследниками. Различие состоит в том, что российская модель банкротства наследственной массы применяется только к несостоятельному наследству и подчиняется специальным принципам банкротного права.

Таким образом, банкротство наследодателя целесообразно определить как модель исполнения его обязательств, применяемую при недостаточности наследственного имущества и основанную на обособлении наследственной массы, ее функциональной персонификации, централизованной реализации имущества, соразмерном удовлетворении требований кредиторов и окончательном прекращении долговой неопределенности после завершения расчетов.

Список литературы:

- [1] Ибрагимов К. Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8(165). С. 85-99. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.085-099. EDN: TTDCHP.
- [2] Зазулина Л. Д. Защита прав кредиторов в случае смерти должника по законодательству России и Франции // Нотариус. 2020. № 2. С. 45-48. // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Латыев А. Н. Гражданское право и философский камень: универсальность наследственного правопреемства // Закон. 2026. № 2. С. 17–33.

[4] Михалев К. А., Петров Е. Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25–39.

[5] Покровский И. А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». 1999. 553 с.

[6] Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут. 2003. 639 с.

[7] Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут. 2003. 558 с.

[8] Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М: Статут. 2021. 477 с.

[9] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут. 2005. 832 с.

[10] Terré F., Lequette Y. Droit civil. Les successions. Les libéralités. Paris. 1997. 906 p.

[11] Verbeke A., Leleu Y.-H. Harmonization of the Law of Succession in Europe // Towards a European Civil Code / ed. by A. Hartkamp et al. 2nd rev. and expanded ed. Nijmegen; The Hague; London; Boston. 1998. P. 173–188.

[12] Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

References:

[1] Ibragimov K. Yu. Property separation on the example of the responsibility of heirs//Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 8(165). S.

85-99. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.085-099. EDN: TTDCHP.

[2] Zazulina L. D. Protection of creditors' rights in case of death of the debtor under the laws of Russia and France//Notary. 2020. № 2. pp. 45-48 .//[Electronic resource] SPS "ConsultantPlus" (date of contact: 11.02.2026).

[3] Latyev A.N. Civil law and the philosopher's stone: universality of hereditary succession//Law. 2026. № 2. С. 17–33.

[4] Mikhalev K. A., Petrov E. Yu. Personification of hereditary mass//Law. 2023. № 6. S. 25-39.

[5] Pokrovsky I. A. History of Roman law. St. Petersburg: Publishing and trading house "Summer Garden." 1999. 553 p.

[6] Pobedonostsev K.P. Course in civil law. Part two: Family, hereditary and testamentary rights. M.: Statute. 2003. 639 p.

[7] Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. 2nd ed., Rev. M.: Statute. 2003. 558 pp.

[8] G. Shershenevich Competitive process. 3rd ed. M: Statute. 2021. 477 p.

[9] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M.: Statute. 2005. 832 pp.

[10] Terré F., Lequette Y. Droit civil. Les successions. Les libéralités. Paris. 1997. 906 p.

[11] Verbeke A., Leleu Y.-H. Harmonization of the Law of Succession in Europe // Towards a European Civil Code / ed. by A. Hartkamp et al. 2nd rev. and expanded ed. Nijmegen; The Hague; London; Boston. 1998. P. 173–188.

[12] Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.